

За всю свою довольно уж долгую жизнь впервые встретил такого художника.

В молодости он себя художником и не считал. Он считал себя влюблённым. И был бы у него тот самый домик и сад — Толя, как в той слезоточиво-сказочной песенке, продал бы их и на все деньги купил целое море цветов...

Хорошо, что не вышло. Девушки до двадцати таких вселенских подарков не понимают — и, как правило, передают.

Предали и его. Каждому это знакомо. Да и не предательство это вовсе — просто детская простительная слепота чувств.

Зато вскоре появилась верная жена, с которой он до сих пор, три дочери; и вся его любовь была беззаветно подарена всем им, своим самым близким женщинам.

Все его мысли о доме, о домашних.

Друзья говорили:

— Что ты? Зачем губишь себя?

Он в самом деле губил в себе художника...

После восьми классов, после занятий в кружке живописи областного Дворца пионеров у В. Воропаева, человека, не раз уж упоминаемого многими орловцами как первого и главного учителя, — Анатолий поступил в Ярославское художественное училище.

Что за училище? Оно было лучшим (вместе с Пензенским) среди десятка российских училищ. Конкурс был восемь человек на место. Четверо орловцев в тот год (1965-й) отсеялись — Анатолий Трайкович поступил.

Был бы он не так честен и чист, окончил бы без армии и прочих сложностей. Но он, три года отучившись, потеряв отца и мать, оставшись гол как сокол, взял год академического отпуска, ездил по России, пытаясь утишить боль. А потом вернулся и подал на призывной пункт.

— Служил в Челябинске с номером, о котором пятнадцать лет нельзя было говорить. А о чём го-

ворить? Две двухэтажки, две трубы и гора — под нею весь секретный завод. Я его и не видел, я плакаты рисовал.

После армии вернулся не в Ярославль, а в родной Орёл, там тоже год назад художественное училище открылось. Был только второй курс. Пришлось вновь кончать и второй, и третий, а уж потом лишь выпускной.

Вот парень нерасчётливый. Да ещё в дипломном докладе сказал благодарность ярославским учи-

телям А. Смагину и Ю. Дружининой. А орловским — уж простите, квасные патриоты, — ни слова.

— Двойку ему! — заорал один из приёмной комиссии (его фамилии сейчас никто вспоминать не хочет).

В ответ встал представитель Суриковского высшего училища (Суриковского! Легенды всей российской художественной школы!) и сказал:

— Какая двойка? Пятёрка! Кроме того, рекомендую Трайковича для поступления к нам...

В Суриковское Анатолий не поехал. Уже была семья и уже были две дочки. Снова поступок —

МИЛЛИОН МИЛЫХ ГРЁЗ

или житейские обстоятельства.

Ох, эти философские глубины... Когда-то под Ярославлем он на спор переплыл Волгу. Между прочим, уже там она в ширину под восемьсот метров. Поэтому лодка плыла рядом.

— Вроде и волн особых нет, и течение плавное, а омутки то и дело вниз тянут...

Так в его жизни было часто. После молодых семидесятых вроде бы настала пора зрелости. Да только у Анатолия на сердце — всё какие-то грёзы.

Ему говорят:

— Вот готовим областную выставку. Принеси работу.

Не несёт. Есть, а не несёт. Лень.

Хочу по случаю произнести оду лени. Лично я считаю её одним из лучших качеств человека. Обломов — любимый литературный герой. Лень открывает дверцу к осмыслению бытия. Ленивцы самые счастливые существа на земле.

Но штука в том, что Трайкович — не ленив! Он безумно работает. На семью, на дочек и уже внучат.

Что же: он разменивается, как художник? Как бы не так. Участвовать в выставках, добывать дипломы это одно, а творить — совсем другое.

Он и творит. Сейчас поговорим о технике сграффито. Это редко и мощно, это делается на века. И это называется монументальное искусство, которое ни на какую выставку не принесёшь.

Сграффито Анатолия Трайковича есть на стенах в Ливнах (строительный техникум, детсад), в Кромах (СПТУ), в Новосиле (РДК), в других уголках Орловщины.

— Так что это за техника?

— На стену наносится три-четыре (можно хоть двадцать, но тогда надо работать целым цехом) пятимиллиметровых слоя цветной штукатурки.

— Сам накладываешь?

— Нет, на подхвате сразу несколько штукатуров, да ещё весьма разворотливых. Потому что рисунку я должен перевести на

сырую стену, обязательно на сырую!

— Перевести?

— Ну да, он у меня уже заранее сделан на бумаге. Три на пять или пять на десять метров — как

закажут. Прикладываю и перевожу контур — так, чтоб не прорвать, а только продавить.

— Чем?

— Да хоть палочкой от эскимо или ручкой шариковой, только без стержня.

— А многослойность цветная штукатурке зачем?

— Ну, так рисунок же цветной! Где нужен коричневый цвет, к примеру, там выбираю специальным ножичком до коричневого слоя, где красный — до красного, где зелёный — до зелёного.

Скребу затылок, слегка потрясённый:

— Ёлочки-палочки, это же ка-

торга, а не работа. Штукатурка, небось, всего за двое суток высыхает.

— Двое суток и торчу на стенке. В Ливнах чуть не свалился, загнулся. С тех пор только с поясом работаю, ну, какие у электриков, по столбам лазающих.

Вот тебе и ленивец. А ведь он ещё и витражи делает. Популярная штука у тех, кто денежку имеет.

Иметь-то имеет, а вкус иногда подводит. Лет пять назад одна тётенька весьма упорно просила сделать ей на входе в спальню витраж с рюсками.

— Говорит, с хвостами хочу толстыми, с чешуёй блестячей. Еле отговорил. Они вам, объясняю, через месяц надоедят, в кошмарах являться будут. Давайте лучше жарптицу сделаю.

— Этак ты мог и заказа лишиться.

— Могу. Но безвкусицу всё равно вырезать не хотел.

— Что, выбор клиентов большой?

— Нет, совсем нет. Десять витражей за год всего и сделал.

Вобщем, художник небогат. Заедает бытовуха, кроме того, Анатолий Владимирович бескорыстно откликается на любую просьбу приятелей, и некоторые этим бессовестно пользуются. Сварить забор, выкопать канаву, забить гвоздь...

Об этом, конечно, не он мне сказал.

А на мольберте который год висит неоконченный зимний пейзаж.

— Зимю рисовать трудно, это не осень, когда спокойно обманываешь зрителя буйным разноцветьем. Да и не хожу я с этюдником, чтоб эти нашлапки делать... И с фотографий не рисую — это вовсе вроде воровства. И портретов не делаю: люди на них слишком красивыми казаться хотят.

Разве с такими взглядами успеха добьёшься?

Но если взгляды сменить на более дешёвые — зачем такой успех и нужен...

— Сейчас моя жизнь труднее, но правильной.

У Трайковича нет наград, однако уважение прочное. А это весомей любых званий. Ведь известно, что уважают поневоле.

Он разобрался в житейских ценностях, в жёстких пружинах жизнеустройства — и юношеской романтичности не потерял. Мне самому довелось наблюдать его грёзы у первой вешней ромашки и последнего берёзового листа.

Поверьте: такие чувства неподменны, бесценны.

Юрий ОНОПРИЕНКО.